

Андрей Небко

Затмение

Андрей Небко
Затмение (стихотворения)

«Геликон Плюс»

2013

Небко А.

Затмение (стихотворения) / А. Небко — «Геликон Плюс», 2013

«...Андрей Небко – вечный ребёнок, хрупкий Ангел с замирающей флейтой Крысолова в руках. Затмение – результат разочарования и боли: солнце зашло... Но оно же – Затмение – прекрасно своими приглушёнными акварельными красками, чуткой меланхолией, магией нетленной красоты. Автор поэтической книжки выражал себя, свою внутреннюю духовную жизнь и бесстрастную литературную Игру в Слове...»

Содержание

Предисловие	5
Любовь	7
Число Страсти	7
Сеньору Вольфраму № 3	8
Лунный Танец	9
Соната № 9	10
Тихая Заводь	11
Голубая Горячка	12
Антисонет	13
Только для тебя	15
Соната № 8	16
Сеньору Вольфраму № 2	17
Смерть Нарцисса	19
Экспромт	20
Подростковый депресняк	21
Арифметика	22
За гранью стекла	23
Лети!	24
Сад	25
Ручеёк	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Андрей Небко

Затмение (стихотворения)

Предисловие

Андрей Небко – литературный псевдоним Андрея Александровича Анипко. Годы жизни 15.09.1976 – 08.07.2012.

Автор книги ушёл из жизни рано, стремительно и непоправимо. Книга, которую вы держите в руках, составлена не им самим. Издатели взяли на себя смелость включить в неё те произведения, которые в силу своей скромности и требовательности сам Андрей решительно бы «забраковал». Но «большое видится на расстоянии». Смерть автора многое расставила по своим местам. Он, бесспорно, талантлив в каждом из своих стихотворений, которые мы разделили на четыре тематических плана – Любовь, Затмение, Смерть, Эпилог. Деление стихов на главы знаменует четыре важные вехи в жизни автора.

Любовь – вера в её спасительные свойства, жажда её испытать, горечь разочарования ею – ведь любовь и жестока! Душа поэта ранима, открыта миру, непосредственна в своей искренности. Андрей Небко – вечный ребёнок, хрупкий Ангел с замирающей флейтой Крысолова в руках. Затмение – результат разочарования и боли: солнце зашло... Но оно же – Затмение – прекрасно своими приглушёнными акварельными красками, чуткой меланхолией, магией нетленной красоты. Автор поэтической книжки выражал себя, свою внутреннюю духовную жизнь и бесстрастную литературную Игру в Слове. Смерть оборвала жизнь, трагически подытожила судьбу. Но уход – не конец всему. Эпилог – обещание вернуться, продолжиться в памяти друзей, найти своего настоящего читателя.

Много стихотворений А. Небко останутся пока ещё неизданными. В силу разных причин. Всему своё время. В этой книжке всего 70 произведений. В каждой главе – по 22. Именно этому числу автор придавал особое нумерологическое и, видимо, сакральное, значение. 4 текста знаменуют собой Эпилог.

Публикуемые стихи философичны, глубоки по содержанию. Их с удовольствием и пользой прочтает филологическая элита. Но в то же время в «Затмении» есть тот смысл и тот нерв, который не оставит равнодушным каждое человеческое сердце, в котором отчаяние сменяется верой, а вера вновь и вновь подвергается сомнению. Андрей Небко прожил свою короткую жизнь трудно, но красиво. Он знал толк в Высокой Игре.

Его желанием было, чтобы каждый нашёл отражение своей жизни в его творчестве и позволил себе грусть, которая нынче не в моде, но так часто посещает всех нас, тех, кто жив и способен думать. Читайте! Хочется верить, что вы испытаете истинное наслаждение. А если сочтёте, что «Затмение» достойно ваших аплодисментов, – аплодируйте! Поэт услышит...

Издательство благодарит за помощь в сохранении творческого наследия Андрея Небко Е. Анипко, Л. Иванову, А. Горина.

Любовь

Число Страсти

студёный рай в твоих глазах, в твоих
застуженных, финифтью тонких игол
инеевых... который из двоих
тебе милей? – вон тот! – глядишь, и выиграл

всю пару их, студёную чету,
в которых рай, и пчёл стеклянных зуммер...
который из..? – а не плевать ли? в сумме
мне дорог каждый: в яблочном цвету

горит хрусталь; люблю, желаю оба:
качнётся занавес, взовьётся лёгкий газ,
и жизни за какой-нибудь из глаз
не жаль, и губы – узницы озноба.

Сеньору Вольфраму № 3

ты не создан для песен, для сказок —
ощутимый, домашний, земной;
но из пёстрых лирических красок
не найду для тебя ни одной.

синий? серый? но в час обладанья
на камнях разгорается мак,
и скольжу, замирая, за грань я,
в рукотворный малиновый мрак.

и восходит малиновым дымом
узкий, тесный, как Золушкина
туфля, месяц, — и с грустью о близком
на валун набегает волна.

захлестнет — расколышет — отхлынет:
горяча и влажна борозда,
и на взморье малиновом стынет
расточительной ртути звезда.

2008

Лунный Танец

один только месяц в моих небесах
висит загогулиной спелой,
один только месяц... на шатких весах,
на скользких – танцует с венерой

амур, кучерявый, лобастый шалун,
с венерой, кудрявой и влажной;
над ними – сиянье лунейшей из лун,
такой же роскошной, распашной,

в которой, держась за кривую, тону,
за скользкую ручку дверную.
как месяц без промаха входит в луну,
кудрявой межи не миную,

и лягу с луной, и на зыбких весах
с амуром венера возляжет,
и влагой, и негой потянет в низах,
и в небе ночном – простоквашей

захлюпает свет, и незримая связь,
сырая, меж верхом и низом,
и, влагой и негой захлебываясь,
корячусь, на месяц нанизан.

2008

Соната № 9

а здесь трава, и лилии, и маки,
и мальчик лет двенадцати – большой! —
глядит, как диск над ледяной межой
круглится, тускл, и вспыхивает паки,

и канет в ночь; глядит, как светлячок
несёт в траве дозорный свой фонарик;
и кто-то шляпу на кривой сучок —
там, высоко – повесил, – нет, рогалик

обкусанный! и колется кунжут,
рассыпавшись по скатерти-простынке;
и обо всем, привидевшемся тут,
рассказывает мальчик без запинки

и тридцать лет спустя, и пятьдесят
таким же мальчикам, тихоням и задирам,
и ледяные вишенки висят —
всё те же! – над ручным и робким миром.
2007

Тихая Заводь

ты хотел тишины? получай тишину:
ветра вой и бубнилка дождя.
ты ушел с головой в эту тину и тьму,
но забыл рассказать, уходя,

как прекрасен закат над сутулым мостом,
как ты счастливо было, дитя.
из душистого ила, зеленых истом
летней влаги вставала, хотя

громкой жизни, заря, – но, годами соря,
ты судьбу свою протанцевал,
и теперь ты одет в чешую пескаря,
и дрожит, и мерцает металл

драгоценный; ты сам себе рыл западню
с первых дней, первых лет, первых лун —
был ты юн? а теперь в золотую броню
бьется рокотом сонным бурун,

и уже далеко до зари, до росы,
и часы остановятся вот-
вот, – а сизый закат отошёл за мысы, —
значит, кто-то увидит восход,
и чужая забота взлелеет ростки
золотые... а здесь – тишина,
ветра вой; спи и грезь, будто недалеко
первый день, и заря, и луна!

2008

Голубая Горячка

Предо мной, подо мной голубой Океан,
я, наверное, пьян, но уже не поможет
ЛТП и т. д.; день мучительно прожит;
я полярный буран наливаю в стакан.

Эта стопка метелей, чекушка пурги
голубой, и буран надо мной, подо мною;
мне уже не поможешь, да я и не стою
чьей-то помощи, но всё равно «помоги!»

умоляю, а сам наливаю в стакан
вьюги сто пятьдесят, осушаю, и снова
наливаю, и снова в плену голубого
забытья; полынья, а под ней – Океан

голубой; чарка выюг, забытья полуштоф
да нытья поллитра, да метель по стаканам;
мне уже не помочь – но влюблённым и пьяным
я прошу твоих слёз, я хочу твоих слов...
2008

Антисонет

не перепрыгнуть рва, и шанса только два,
и робко ручку дергаю дверную,
и к прошлой нерешимости ревную
созревшие к свершению слова —

к свержению: исходов и начал,
и полустершиеся по ночам
твержу обеты: Ты, Кто днесь и присно!
обрекшего на скуку и повтор
себя – отчалъ из обжитых портов
в открытую ночь, звёзды, соль и бриз!.. на

столе пылятся веером сердца
и спутники – засаленной колодой;
две запонки – солёных озера,
слепых – томятся жаждой за оградой, —

но даже близящейся непогодой
не образумить парус беглеца!
2007

Только для тебя

Сегодня только пятница. Три дня
мы не увидимся. Три ночи – в разных
постелях. В голове – туман бессвязных
видений, праздных мыслей трескотня.

Ты помнишь ночь, машину и вокзал?
Ты уезжал, но обещал вернуться.
И ты вернулся. Помнишь, как проснуться
нам зверский холод в комнате мешал?

И вот – три дня. И я не знаю сна.
И я пишу. Куда? Мне дела нету.
Трясущимися пальцами дискету
вставляю. Здесь мы вместе. Помнишь, на

безлюдном пляже? Лето, дюны, сосны...
Ведь ты приедешь? Три каких-то дня!
Легко сказать! Три этих дня несны!
Как можешь ты прожить их без меня?!
2008

Соната № 8

над плоскостью – булавочной головкой
в мохнатом тельце бабочки – звезда
любви, беды, бездомной и голодной,
горит, блаженна тем, что не видна

самой себе, что сам себе не ведом
свет, всех уловов слаще и слепей,
счёт закрывающий победам, бедам,
пульсирующим – бабочка! – слабей,

слабей на шпиле сладкого соблазна:
одним собой в инополярной тьме
(вином разбавленной!) насытить глаз – дна
не ведая, не думая о дне,

где погребён его источник; ночь и
свет, и любовь в обнимку спит с бедой, —
а он глядит, слепой и светлый ловчий,
в свой, чуждый, чудный очерк над собой.
2007

Сеньору Вольфраму № 2

В дорогие не укутаю тебя джемпера,
в джинсы фирменные не запеленаю
долгих ног – как у аиста... Говоришь, пора?
до свидания, не удерживаю – мысленно догоняю

на площадке лестничной, чтобы что-то еще сказать,
что забыл, когда сидели друг насупротив друга, —
и в ответ на нескáзанное протягиваешь мне пять
музыкальных пальцев; не могу опомниться
от испуга —

сладострастного? – почему же суеверно
ряжу в слова
плечи острые, ломкий стебель талии —
не распеленаю
даже мысленно? – обернувшись, на прощанье
протянешь два
серых яблока; усмехнешься снисходительно:
«обнимаю»...

2007

Смерть Нарцисса

О, как давно!
И. Анненский

Покоен омут; облачко плывёт
у самых ног, лукаво и покорно;
чета виол, мятежно и минорно,
роняет влажный жемчуг томных нот.

Я расстегну, робея, ремешок:
ползут к стопам завистливые ткани,
и в млечном разгорается тумане
ответный взор... И противопоток
сквозные переплёскивает грани.

Так, значит, Ты? И зря я столько лет
кого-то, где-то – мямл, томил и маял?
Но смутный очерк плавился и таял,
дробясь, как отголосками – дуэт

четыре-, нет, пятиждыпарных струн:
мелодия запуталась в кулисах
кальсон, – и, недовыплеснувшись, высох
в броню гробницы бившийся бурун.
2009

Экспромт

Эта ненависть с привкусом соли и йода;
эта нежность почти – не без ссадин, не без
боли; эта невинность с рубцом на скуле;
неизбежность блаженства в багровых бороздках.

Синева, синева, и вчерашней листвы
подмороженный хруст – словно фунтик с поп-корном.
Ничего, ничего, вот подъедет трамвай,
переедет обоих и, не просигналив,

как ни в чём не бывало проследует в парк; —
но на зеркале заднего вида – румяна
октября (кто сказал «ДТП»? это лес
свой багряный роняет убор; это осень

подметает дворы)... Я хочу за Урал,
за Байкал!! но забыл её классе в девятом,
эту карту – ложись! я на шерсть нанесу
коридоры любви, погреба вожделья: —

лишь бы в парк, не оглядываясь, шёл трамвай,
переехавший нас, в царскосельский, чугунный,
лебединый, арапчатый, с хрустом песка
на зубах, с облаками в дымящейся клюкве...

2009

Подростковый депресняк

Сесть в автобус, и на край света, до кольцевой;
пусть выходят и входят россияне, этруски, инки:
всё равно никому нет дела, что я – живой,
что со злости рисую маркером хуй на спинке

впереди... Контролёр, парнишка лет двадцати,
злобно сплюнет и станет выматывать душу штрафом:
подавись, гандон! Всё равно уже не сойти:
я ошибся автобусом, бункером, батискафом!

Я себя узнаю в пассажире напротив; тот
притворяется, сука, что видит меня впервые.
...Неужели конечная? Товарняк замедляет ход,
пробивается свет... Блядь, а если мы все – живые?!
2009

Арифметика

За вычетом тебя – деревья.
За вычетом деревьев – камни.
За вычетом камней – пространство.
За вычетом пространства – Бог.

А Бог и есть тот самый вычет:
приплюсовал к Себе пространство,
чуждак, к пространству – камни, к небу —
деревья, а ко мне – тебя.
2011

За гранью стекла

За гранью стекла, за космической пылью
твой тёплый, твой нежный, твой взгляд
и руки твои, полоумные крылья,
терзают меня и казнят.

Я из лесу вышел: всё было багрово,
но в щель просочилось тепло,
и я уронил бесполезное слово,
и ветром его унесло.

И я обхватил сумасшедшие руки
раскрошенной известью губ.
Мой голос был как покосившийся флюгер,
и дым поднимался из труб.

На склоне холма, в камышах лукоморья,
за краем известных земель
я был добровольным глашатаем горя,
дудя в обомшелую щель.

И сколько ни били меня, ни бранили,
сквозь все тупики я пронёс
колючую пригоршню уличной пыли,
извёстку космических слёз.
За гранью стекла, за нечаянной гранью,
где столько непрошенных рук,
я был чем-то вроде травы, или тканью,
похожей на вышитый луг.

Но эти твои полупьяные руки
в лохмотьях чужого тепла...
Зачем ты, богиня, на горе и муки
из пепла меня извлекла?!
2011

Лети!

Сухая и чёрная ветка
над серым и пасмурным днём.
Лети, золотая нимфетка!
Страничку не перевернём.

А жаль!
– Без напрасных попыток.
Отпустим – забудем – уснём...
Осеннего золота слиток
ненастным и горестным днём.
2011

Сад

Калитка скрипит, и сливово-сиреневый сад
впускает меня, обнимает, целует, щекочет
и ласково, но неразборчиво что-то бормочет,
щебечет – приземист, всклокочен, сутул, глуховат.

И я прохожу по извилистым скользким дорожкам
в дощатый сарай – эту виллу советских времён.
Но кончится лето, и небо с алмазным горошком
брезгливо возьмут за углы и скатают в рулон.

И вместо солёного пота, геройства и чванства
пацаньего: сила, сноровка, смекалка, успех
у девочек, – сплюснутый кубик жилого пространства,
ужастики, грёзы, невроз, изнурительный грех.

Нежданные взлёты, паденья, – а стёжка всё уже,
кустарник всё глуше, всё меньше сирени и звёзд,
и снится всё реже, как ты всё идёшь по тому же
мосту, и дрожишь, и не веришь, что кончится мост.
2009

Ручеёк

Дай перепрыгнуть через палочку,
через рябиновую веточку,
упасть в слезящуюся скважину,
в окоченевшую ладонь;
я наблюдаю через щёлочку,
как прыгают через верёвочку
нагие мальчики и девочки
и превращаются в стволы,

и – нагло выпрыснули веточки,
и почки рдеют, листья лóсняются,
а ты – ручей, пустой, серебряный,
сквозящий полым, нежилым,
необжитой плешивой звёздочкой:
они выпрастывают щупальца,
щекочут склизкие присосочки
твою надмирную тоску,
твою бесплотную серебряность,
твою охрипшую проскваженность
навстречу этим глупым чурочкам,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.